

Экономика труда и социальной сферы

Мигранты на рынке труда Москвы*

Е. Я. Варшавская, М. Б. Денисенко

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

Представлена комплексная характеристика трудовой миграции в Москве, включающая все виды пространственной мобильности, значимые для столичного рынка труда. В фокусе исследования находятся как международные, так и внутренние мигранты, включая маятниковых. Используются микроданные Обследования рабочей силы Росстата, данные ведомственной статистики Министерства внутренних дел, результаты опроса международных мигрантов, работающих в Москве. Оценены масштабы и динамика трудовой миграции, дана сравнительная характеристика социально-демографических и экономических особенностей москвичей и различных групп мигрантов, определены профессионально-отраслевые ниши труда мигрантов, оценено влияние миграции на рынок труда Москвы. Временные трудовые мигранты составляют значимую часть рынка труда Москвы: на их долю приходится, как минимум, четверть всех работающих в столице. Показано, что трудовые мигранты компенсируют убывающие по численности группы москвичей — молодежь и население с невысоким уровнем образования. Впервые на российских данных выполнены расчеты индексов селективности. Анализ показал, что мигранты сконцентрированы в ограниченном отраслевом и профессиональном сегменте, что свидетельствует о формировании мигрантских ниш занятости. Обосновано, что мигранты заполняют разрыв в спросе на труд невысокой квалификации и в его предложении со стороны высокообразованной московской рабочей силы. Как следствие, сокращается дефицит рабочей силы, особенно в секторах, которые не привлекательны для москвичей. С точки зрения мест приложения труда (отрасль и профессия) мигранты и москвичи не конкурируют, а дополняют друг друга.

Варшавская Елена Яковлевна (evarshavskaya@hse.ru), д. э. н., проф. департамента организационного поведения и управления человеческими ресурсами Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ; *Денисенко Михаил Борисович (mdenissenko@hse.ru), к. э. н., директор* Института демографии им. А. Г. Вишневого НИУ ВШЭ.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70>
© НП «Вопросы экономики», 2025

Ключевые слова: трудовая миграция, международная миграция, внутренняя миграция, вахтовая работа, маятниковая миграция, рынок труда.

JEL: J21, J61.

Введение

Москва стала центром притяжения и концентрации значительного числа международных и внутренних трудовых мигрантов. По данным ГУВМ МВД РФ, в 2023 г. на долю Москвы приходилось более 23% всех постановок на миграционный учет иностранных граждан в связи с работой. По результатам Обследования рабочей силы, проводимого Росстатом, в 2020-е годы в Москве работала половина внутренних мигрантов, включенных в межрегиональные перемещения. Именно поэтому вопросы трудовой миграции — ее необходимости и достаточности, влияния на рынок труда и занятость местного населения — имеют для Москвы особое значение. Однако в силу дефицита и разрозненности статистической и социологической информации всесторонние исследования трудовой миграции на региональном уровне в России проводятся редко.

В статье представлена комплексная характеристика трудовой миграции в Москве, охватывающая все виды пространственной мобильности, значимые для столичного рынка труда. В работе рассматриваются как международные, так и внутренние мигранты, в составе которых выделяются маятниковые и вахтовые. Анализируются масштабы и динамика трудовой миграции, характеризуются социально-демографические и экономические особенности различных групп мигрантов и оценивается их влияние на столичный рынок труда. В отличие от ранее выполненных исследований впервые на уровне отдельного российского региона анализируется весь поток временных трудовых мигрантов, а не его отдельные составляющие, что позволяет оценить роль и значение миграции в функционировании столичного рынка труда.

Теоретические подходы и эмпирические результаты

Классическая модель влияния мигрантов на рынок труда (неоклассический подход) предполагает, что мигранты и местные работники являются совершенными заместителями в производстве товаров и услуг, то есть эти группы работников имеют одинаковые навыки и квалификацию и, соответственно, конкурируют друг с другом за рабочие места (Harris, Todaro, 1970; Borjas, 1989). В результате миграции увеличивается предложение труда, что при данных и других предпосылках (свободной конкуренции, полной занятости, неограниченной мобильности ресурсов, неизменности спроса на капитал) приводит к снижению заработной платы местных жителей или вытеснению их из занятости, если заработная плата жестко регулируется. Однако предположение о том, что иммигранты и местные работники выступают совершенными заместителями, нереалистично. На практике мигранты обычно обладают иным человеческим капиталом по сравнению с мест-

ным населением (знание языка, уровень образования, квалификация, навыки и компетенции, социокультурные нормы), что делает эти две группы взаимодополняющими. В этом случае рост числа иммигрантов увеличивает предельную производительность труда местного населения и, как следствие, воздействие на заработную плату и занятость местных жителей может быть нулевым или даже положительным.

Другой аналитический подход, объясняющий положение мигрантов в стране или регионе приема, основывается на теории двойственного рынка труда (теории сегментации), в соответствии с которой рынок труда разделен на два сегмента — первичный и вторичный (Priore, 1971, 1979; Portes, Zhou, 1992). Рабочие места в первичном сегменте характеризуются высоким уровнем заработной платы, стабильной занятостью, хорошими возможностями для профессионального обучения и карьерного роста; вторичный сегмент включает неквалифицированные, нестабильные, низкооплачиваемые рабочие места. В отличие от неоклассического подхода, теория двойственного рынка труда предполагает, что свободная мобильность рабочей силы существенно ограничена структурными и институциональными барьерами. Сегментация рынка труда приводит к формированию ниш (сегментов) занятости, когда на отдельных профессиональных и/или отраслевых рабочих местах начинают доминировать работники с определенным миграционным статусом¹. Мигранты, как правило, концентрируются во вторичном сегменте.

Несмотря на то что еще в конце XIX в. в первых законах миграции Дж. Равенштейна были представлены различные миграционные потоки (Ravenstein, 1885, 1889), впоследствии изучение внутренней и внешней миграции было разделено (Lee, 1966). Хотя условность такого разделения с точки зрения исторической динамики миграционных процессов и их влияния на рынок труда отмечали зарубежные (Ягельский, 1980; Zelinsky, 1971; Clark, 1986; de Haas, 2009, 2021) и отечественные (Хорев, Чапек, 1978²; Рыбаковский, 1987) ученые, работ, в которых одновременно изучалось влияние на рынок труда разных миграционных потоков, мало. Взаимосвязь потоков внешних и внутренних мигрантов на примере рынка труда США в начале 1990-х годов рассмотрена в: Filer, 1992; Walker et al., 1992. В дальнейшем количество исследований, учитывающих территориальную неоднородность и взаимодействие разных миграционных потоков на национальном уровне, заметно увеличилось (например, см.: White, Hunter, 1993; Wright et al., 1997; White, Liang, 1998; Card, 2005; Borjas, 2006; Beine, Coulombe, 2018). По мере актуализации значимости и накопления информации в модели чаще включают маятниковую миграцию (Monte et al., 2018; Kornstad et al., 2024).

¹ В литературе обычно используются понятия «мигрантские ниши» или «этнические ниши». Однако, по нашему мнению, правильнее говорить о существовании нишевой занятости, поскольку в таких сегментах могут быть представлены не только мигранты, но и местное население.

² В работе авторы развивают идеи советского демографа Б. С. Хорева, который указывал на общность различных форм миграции в системе территориального разделения труда, отмечая, что «все они... явления одного порядка, поскольку направлены на обеспечение народного хозяйства рабочей силой в пределах тех или иных форм расселения» (Хорев, Чапек, 1978. С. 30).

Другое направление исследований — изучение взаимодействия разных миграционных потоков, включая маятниковые перемещения, и их влияние на рынок труда на уровне отдельных городов или регионов. Интерес к такого рода исследованиям связан с тем, что значительная часть мигрантов концентрируется в крупнейших городах принимающих стран. Так, в 2022 г. почти 55% иммигрантов США жили в четырех штатах, а из них — бóльшая часть в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Хьюстоне, Далласе и Майями. Можно назвать ряд работ, которые были выполнены для глобальных миграционных центров, в том числе для Лос-Анджелеса (Frey, 1995; Ellis, Wright, 1999), Лондона (Gordon et al., 2007; Wills et al., 2009), Нью-Йорка (Hempstead, 2003), Майями (Card, 1990; Borjas, Monras, 2017)³.

Многочисленные эмпирические исследования влияния миграции на рынок труда принимающей страны свидетельствуют, что направления этого влияния достаточно разнообразны (например, см. обзоры в: Longhi et al., 2010a, 2010b; Peri, 2016; Edo, 2019). Выделим среди них основные.

1. Мигранты обычно занимают рабочие места, отличные от мест работы коренного населения, таким образом, эти группы не конкурируют, а дополняют друг друга на рынке труда.

2. Воздействие мигрантов на заработную плату местных работников близко к нулю или незначительно положительное.

3. Мигранты смягчают дефицит рабочей силы (особенно в секторах, которые не привлекательны для местного населения).

4. Мигранты увеличивают спрос на труд, создавая новые рабочие места и стимулируя спрос на потребляемые ими товары и услуги.

5. Если низкоквалифицированные мигранты только дополняют труд высококвалифицированного местного населения, то мигранты могут оказаться в ловушке низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда.

6. Если низкоквалифицированная рабочая сила мигрантов используется вместо физического капитала, то это ограничивает технологический прогресс и модернизацию⁴.

В России влияние миграции на рынок труда по понятным причинам (открытие страны и формирование рыночной экономики произошло только в 1990-е годы) начали изучать несколько позже, чем в других странах, принимающих мигрантов. Среди отечественных работ, в которых одновременно рассматривалось влияние на российский рынок труда как внутренних, так и внешних трудовых мигрантов, следует выделить исследования: Карачурина, 2005; Чудиновских и др., 2013, Флоринская и др., 2015, Мкртчян, Флоринская, 2018.

³ Кейс Майями занимает особое место в изучении влияния миграции на рынок труда. В 1980 г. в течение полугода в город прибыло около 125 тыс. мигрантов с Кубы из гавани Мариэль («Мариэльский исход»), что увеличило численность рабочей силы на 7%, однако не вызвало снижения занятости или рост безработицы среди местного населения.

⁴ Перечисленные выше оценки влияния миграции на рынки труда получены в основном на данных о международных мигрантах и выполнены на национальном уровне. Они не всегда согласуются для разных стран и городов, что объясняется особенностями конкретной экономической и политической ситуации, социально-демографических характеристик мигрантов, а также используемых данных и методов анализа (Wright et al., 1997; Okkerse, 2008; Dustmann et al., 2016).

Влияние разных групп трудовых мигрантов на рынок труда исследуют также на локальном (региональном) уровне. Москве как главному центру притяжения трудовых мигрантов всех категорий, естественно, уделяется повышенное исследовательское внимание. В работах анализируются объемы и направления маятниковой миграции (Шитова, 2009; Махрова, Кириллов, 2015; Махрова и др., 2024); роль Москвы и столичного региона как центра привлечения внутрироссийских трудовых мигрантов (Мкртчян, 2015, 2019); проблемы международной трудовой миграции (Тюрюканова, 2001, 2004, 2009; Флоринская, 2015, 2023). Авторы перечисленных выше исследований подчеркивают, что на рынке труда Москвы, как и в России в целом, разные категории трудовых мигрантов и коренное население дополняют друг друга, а не конкурируют. В научной среде существует и противоположная точка зрения, которая менее обоснована аналитически, о дискриминации российских граждан при трудоустройстве на работу в столице (Горшкова, 2012).

Исследования влияния миграции на рынок труда расширяются за счет включения в анализ разных территориальных перемещений: внутренних и внешних, возвратных и маятниковых. В России этот процесс идет медленнее, чем в других странах, в том числе из-за недостатка данных, необходимых для углубленного социально-экономического анализа. До сих пор в большинстве работ объектом изучения выступает какая-либо отдельная группа мигрантов. Задача данного исследования состоит в том, чтобы представить целостную картину трудовой миграции в Москве, проанализировав положение и роль всех групп мигрантов на столичном рынке труда.

Определения и источники данных

Определения

Трудовая миграция представляет собой совокупность территориальных перемещений людей, связанных с занятостью и поисками работы (Юдина, 2007; Simon et al., 2015). Она, как правило, носит возвратный (циркулярный) характер и предполагает временные перемещения между родиной и местом работы (Zimmermann, 2014). По этой причине, а также из-за исключительно экономической обусловленности большинство исследователей не включают в определение трудовой миграции постоянных мигрантов, подчеркивая, что трудовая миграция — это временные перемещения населения с целью работы в другом регионе или стране с периодическим возвращением к обычному или постоянному месту жительства (Воробьева и др., 2013). Именно это определение выделяет контингент мигрантов, который выступает объектом изучения в данной работе. Как уже отмечалось во введении, он включает международных (внешних) и внутренних трудовых мигрантов, в составе которых выделяются вахтовые и маятниковые⁵. К *международным* трудовым

⁵ Маятниковые в строгом значении не являются мигрантами, поскольку не меняют место своего жительства. Однако мы считаем целесообразным включить данную группу в наш анализ в силу специфики столичного рынка труда.

мигрантам относятся иностранные граждане, которые въехали в Россию с целью трудовой деятельности на определенный срок. *Вахтовыми* мигрантами (вахтовиками) считаются лица, работающие в Москве, но проживающие постоянно в других субъектах РФ, совершающие поездки домой один раз в неделю и реже. К *маятниковым* мигрантам относятся работающие в Москве, но проживающие постоянно в других субъектах РФ, совершающие ежедневные поездки домой. Соответственно, *москвичами* (коренным/местным населением) мы будем называть постоянно проживающих и работающих в Москве⁶.

Источники данных

Для изучения влияния трудовой миграции на рынок труда Москвы использованы разные источники данных: ведомственная статистика ГУВМ МВД РФ, Баланс трудовых ресурсов (далее БТР), Обследование рабочей силы Росстата (далее ОРС), массовый опрос мигрантов в Москве, проведенный в 2023 г. (далее опрос 2023). Информация о среднегодовой численности международных трудовых мигрантов в Москве взята из баланса трудовых ресурсов, который разрабатывается Росстатом. В основе оценок БТР лежат данные формы федерального статистического наблюдения 1-НК (миграция), заполнение, сбор и обработку информации для которой осуществляет ГУВМ МВД РФ. В этой форме содержатся сведения о численности иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, по состоянию на конец отчетного периода (месяца) с распределением по отраслям.

Ведомственная статистика МВД РФ является основой для определения объема потоков и численности международных трудовых мигрантов в России, поскольку другие источники информации (например, переписи населения, регулярные выборочные обследования рабочей силы), в отличие от других стран, эту задачу не решают. Отметим, что использование данных статистики МВД имеет ряд ограничений. По мнению экспертов, она не в полной мере фиксирует численность мигрантов, в том числе отчасти легально находящихся на территории России и работающих на законных основаниях (Чудиновских, Донец, 2018; Чудиновских, 2021), а также занятых нелегально. Помимо неполноты данных по этому источнику затруднительно изучать динамику внешней трудовой миграции из-за изменений в определениях и правилах учета иностранных работников⁷. Наконец, самая главная проблема для исследователей состоит в том, что ведомственная статистика не дает информацию о структурных характеристиках мигрантов (уровень образования и знание русского языка, профессия, заработная плата).

⁶ В соответствии с методикой определения мигранты, которые зарегистрировались по месту жительства или месту пребывания на срок 9 месяцев и более, включены в состав постоянных жителей столицы, то есть москвичей.

⁷ Динамический ряд, который формировался с 2015 г., был нарушен в 2021–2022 гг., поскольку ГУВМ МВД РФ стало разрабатывать данные не о мигрантах (первичная постановка на учет по месту пребывания), как ранее, а о фактах постановки на миграционный учет (общее количество фактов постановки на миграционный учет). В 2023 г. подход к разработке данных изменился, но в какой мере он соответствует правилам, действовавшим до 2021 г., из-за отсутствия методологических комментариев неизвестно.

С целью получения данных об этих характеристиках Институт демографии НИУ ВШЭ совместно с Центром этнополитических и региональных исследований при поддержке Правительства Москвы в 2023 г. провели социологический опрос около 3,5 тыс. международных мигрантов, работающих в Москве. Выборка квотировалась по странам исхода мигрантов (государства СНГ, Грузия, Украина). Результаты данного опроса использованы в статье для анализа структурных характеристик иностранных работников (пол, возраст, образование) и особенностей занимаемых ими рабочих мест (отрасль и занятие).

Данные о масштабах и структуре внутренней трудовой миграции были получены из ОРС⁸. В 1999 г. в анкету ОРС был включен блок вопросов о месторасположении основной работы (на территории данного субъекта РФ, на территории другого субъекта РФ, на территории другого государства). Хотя существуют проблемы, связанные с представительностью и достоверностью этих сведений, ОРС является фактически единственным репрезентативным источником информации о внутренних трудовых мигрантах: их численности, социально-демографических параметрах, характеристиках занятости. ОРС позволяет выделить две группы внутренних трудовых мигрантов — маятниковых и вахтовых, поскольку анкета включает вопрос о частоте поездок к месту постоянного проживания.

Особенности рынка труда Москвы

Направление и масштабы трудовой миграции главным образом зависят от специфики и соотношения предложения и спроса на труд в регионе, а также от территориальных различий в демографическом и экономическом развитии территорий⁹. Характеризуя предложение на рынке труда Москвы, следует отметить, что в последние три десятилетия Москва, в отличие от всей России, представляет собой регион демографического роста. С 1992 по 2024 г. общая убыль населения России (в границах 1992 г.) составила 4,8 млн человек. За этот же период численность постоянного населения Москвы увеличилась на 4,1 млн человек: с 9,1 млн до 13,1 млн¹⁰. Такой значительный рост был вызван практически исключительно миграционным приростом, который в столице составил за эти годы 4,7 млн человек. Незначительный вклад (около 240 тыс. человек) внесли административно-территориаль-

⁸ Вопросы о расположении места работы и места проживания включались в программы переписей населения 2002, 2010 и 2020 (2021) гг. Но доступ к детальным данным последней переписи в настоящее время ограничен.

⁹ Необходимо учитывать и другие факторы, например, наличие диаспор/землячеств, формирующих так называемые миграционные сети (Заславская, Иванов, 1969; Massey et al., 1993; de Haas, 2009), а также характер миграционной политики. В частности, говоря о Москве, следует напомнить, что в советский период миграция в крупнейшие города СССР жестко ограничивалась. Именно отмена института прописки в 1992 г. способствовала бурному притоку населения в столицу из других российских регионов и бывших союзных республик (Денисенко, Степанова, 2013).

¹⁰ Здесь и далее, если особо не оговаривается, приводятся оценки Росстата, опубликованные на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС, <https://www.fedstat.ru/>), или оценки авторов, основанные на данных Росстата.

ные преобразования. Как видно, естественная убыль населения города в размере 800 тыс. человек была компенсирована с избытком.

Благодаря молодой возрастной структуре постоянных мигрантов в Москве численность жителей в трудоспособных и особенно в молодых возрастах от 20 до 40 лет увеличивалась вплоть до 2013 г. Но затем численность этой возрастной группы стала сокращаться, уменьшившись за десятилетие (к 2024 г.) примерно на 480 тыс. В то же время численность населения в возрасте 40–59 лет возросла примерно на 240 тыс. человек. Это означает, что трудоспособная часть населения Москвы, как и все население столицы, быстро стареет. За постсоветский период численность лиц в возрасте от 60 лет и старше увеличилась с 1,6 млн до 3,5 млн человек, а их доля в населении города — с 18,7 до 26%.

Во многом благодаря демографии рынок труда Москвы характеризовался устойчивым (до второй половины 2010-х годов) ростом предложения труда. В 2000–2023 гг. численность рабочей силы, представленная постоянным населением Москвы, увеличилась на 2,0 млн человек, или на 38,5%. Однако темпы роста этого показателя снижались: с 2,4% в 2000–2008 гг. до 1,6% в 2009–2016 гг. С 2017 г. рост численности рабочей силы в столице практически прекратился: среднегодовые темпы прироста составили менее 0,2%. Отметим также высокие уровни участия населения в рабочей силе, которые не только существенно (на 7–8 п. п.) превышают среднероссийские показатели, но и превосходят аналогичные показатели крупных европейских городов.

Другой особенностью столичного рынка труда является высокий уровень образования рабочей силы. В 2023 г. более половины (58%) экономически активного постоянного населения Москвы имели высшее образование, еще 26% — среднее профессиональное. На долю работников, чье образование ограничено основной или полной средней школой, приходилось менее 6%. В 2000–2023 гг. численность рабочей силы с высшим образованием стабильно увеличивалась (на 69%). Напротив, группы с невысоким уровнем образования быстро сокращались. Численность рабочей силы со средним (полным) общим образованием уменьшилась на 44%, с основным общим — на 54%. Фактически в анализируемый период происходил интенсивный выход со столичного рынка труда рабочей силы с низкой образовательной подготовкой, которая замещалась преимущественно работниками с вузовскими дипломами.

Позитивная в целом динамика предложения труда и высокие показатели участия населения в рабочей силе отмечались на фоне устойчиво высокого спроса на труд, который был обусловлен интенсивным развитием экономики Москвы. Так, с 1998 по 2022 г. ВРП города вырос в 2,5 раза, а его доля в ВВП России — с 14,5 до 20,3%. Одновременно с увеличением спроса на труд менялась его отраслевая структура, которая в настоящее время носит выраженный постиндустриальный характер. Доминирующим сектором столичной экономики выступает сфера услуг, в которой сконцентрировано более 80% работников.

Как и в других крупнейших городах мира, в Москве рынок труда разделен на два сегмента. Первичный отличается высокими зарплатами, стабильными контрактами, хорошими условиями труда и требует рабочую силу высокой квалификации; вторичный выступает противополож-

ностью первому. К первичному сегменту на рынке труда Москвы можно отнести финансы и страхование, деятельность в области информации и связи, профессиональную, научную и техническую деятельность, государственное управление, образование, добычу полезных ископаемых, а также электроэнергетику, здравоохранение и культуру, то есть сферы деятельности, связанные прежде всего с оказанием интеллектуально емких услуг. К вторичному относят торговлю и общественное питание, строительство, обрабатывающую промышленность, транспорт, водоснабжение, административную деятельность и деятельность по операциям с недвижимостью, в которых значительная часть рабочих мест связана с относительно несложным, нередко физическим трудом и не требует высокой квалификации¹¹. В совокупном спросе на труд в Москве доля первичного сегмента составляет около 45%, вторичного — около 55%. В силу специфики образовательной структуры рабочей силы, о которой мы писали выше, спрос на труд невысокой квалификации существенно превосходит его предложение со стороны москвичей. По нашим оценкам, число рабочих мест на столичном рынке труда, для которых требуется начальное профессиональное или общее образование, составляет около 2,5 млн. Численность рабочей силы в составе постоянного населения Москвы с таким образованием не превышает 1,4 млн.

Мощным стимулом для масштабной трудовой миграции выступает размер зарплат в столице, который существенно превышает средние зарплаты как в странах СНГ, так и в большинстве регионов России. В 2023 г. уровень заработной платы в Москве в 1,9 раза превосходил среднероссийский. Он был выше, чем во всех субъектах РФ, за исключением Ямало-Ненецкого и Чукотского АО. Заработная плата работников в Санкт-Петербурге была меньше московской в 1,4 раза, в Московской области — в 1,7 раза, а в 12 регионах — в 3 и более раз¹². В основных странах происхождения внешних трудовых мигрантов эта разница была еще больше и составляла 5 раз для Киргизии и Узбекистана и 12 (!) раз — для Таджикистана¹³. Таким образом, основными стимулами трудовой миграции в Москву выступают изменение возрастной структуры населения, превышение спроса на труд (в первую очередь невысокой квалификации) над его предложением со стороны местного населения, а также значительная дифференциация заработных плат.

¹¹ Отрасли классифицировались в зависимости от уровня заработной платы и доли работников с высшим образованием. Такой подход часто используется при изучении качества и динамики рабочих мест (Гимпельсон, Капелюшников, 2015; Fernández-Macías, Hurley, 2017; Oesch, Piccitto, 2019). При этом «нетрадиционное» включение добычи полезных ископаемых в первичный сегмент связано с тем, что в Москве расположены не производственные предприятия, а головные офисы добывающих компаний, работники которых выполняют разнообразные управленческие и сервисные функции. Электроэнергетика, здравоохранение и культура относятся к периферии первичного сегмента, занимая скорее промежуточное положение между первичным и вторичным сегментами. Заработная плата в первичном сегменте устойчиво превосходит зарплату во вторичном в 2 раза. В 2023 г. доля работников с высшим образованием в первичном сегменте составила 75% по сравнению с 40% во вторичном.

¹² Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–февраль 2024 г. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2024.pdf>

¹³ Статкомитет СНГ. Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home>

Трудовые мигранты в Москве: сколько и откуда?

По нашим оценкам, общая численность трудовых мигрантов, работающих в Москве, составила в последнее десятилетие не менее 2,0–2,2 млн человек. На их долю приходится четверть занятых на столичном рынке труда. Эти оценки, скорее всего, представляют нижнюю границу численности мигрантов, занятых в Москве. Статистические данные о работающих в Москве по миграционному статусу представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Работающие в Москве по миграционному статусу (тыс. человек)

Год	Всего работающих	В том числе:				Справочно: поставлено на рег. учет с целью работы*
		москвичи	мигранты			
			маятниковые	вахтовые	международные	
2015	9127	6918	390	732	1087	1847
2016	9227	7077	661	730	760	1671
2017	9219	7074	735	752	658	1769
2018	9355	7145	862	779	569	1699
2019	9429	7188	799	760	682	1879
2020	9096	7109	749	693	544	722
2021	9332	7141	747	721	723	2793
2022	9372	7085	723	597	967	3026
2023	9517	7170	728	580	1040	1459

* Для 2021 и 2022 гг. — число всех случаев постановки на миграционный учет с целью работы. В остальные годы — число случаев первичной постановки на миграционный учет с целью работы.

Источник: ОРС (численность москвичей, маятниковых и вахтовых мигрантов), БТР (численность международных мигрантов), ГУВМ МВД (поставлено на учет).

Международные мигранты. По данным БТР, в 2022 и 2023 гг. в Москве занято около 1 млн иностранных работников, или 10–11% общего числа занятых. Как уже отмечалось, оценки численности международных мигрантов вызывают дискуссии. Это обусловлено как проблемами сбора и представления статистических данных учета, так и наличием незаконной трудовой миграции. Ее объем, по нашим оценкам, основанным на результатах опроса трудовых мигрантов в Москве, составляет около 10–15% их общего числа. В основном это лица, которые получали патент в Московской области, а работают в Москве, или иностранцы, которые легально находятся на территории России, но не получили требуемые разрешительные документы на работу, а также лица, которые нарушили сроки пребывания в России.

Большая часть трудовых мигрантов, работающих в Москве, прибыла из трех стран Центральной Азии. Но если граждане Кыргызской республики могут трудиться без разрешительных документов, то граждане Узбекистана и Таджикистана должны приобретать патент. В настоящее время им выдается более 95% всех приобретенных патентов. В 2022 г. на граждан Таджикистана и Узбекистана приходилось 74,5% всех случаев постановки на миграционный учет с целью работы, еще 12,7% — на

граждан Киргизии. Таким образом, на эти три страны приходится 87% всех случаев постановки на миграционный учет с целью работы.

Внутренние мигранты. Согласно оценкам ОРС, в Москве в 2012–2015 гг. было занято около 1,2 млн внутренних мигрантов, в 2016–2021 гг. их численность увеличилась до 1,4–1,6 млн, а в 2022–2023 гг. их число сократилось до 1,3 млн. Число маятниковых мигрантов росло до 2018 г., когда был достигнут максимум 860 тыс. человек, а затем снизилось до 720–730 тыс. (см. табл. 1). Численность вахтовых мигрантов была относительно стабильной в доковидный период, а затем сократилась почти на четверть: с 780 тыс. человек в 2018 г. до 580 тыс. в 2023 г.

Практически все маятниковые мигранты (96%) приезжают работать в Москву из Московской области. География вахтовых мигрантов значительно шире: половина приезжает работать в Москву из регионов Центрального федерального округа, 32% — из Приволжского ФО, около $\frac{1}{6}$ — из регионов Северо-Кавказского (около 6%) и Южного (9%) ФО. На долю других регионов приходится всего 2% вахтовых мигрантов, что объясняется удаленностью от Москвы и отраслевой специализацией.

В отличие от маятниковых мигрантов, значительная часть вахтовиков (42%) — жители сельских поселений. Наши результаты подтверждают данные других исследователей о том, что работа вахтовым способом распространена в первую очередь среди жителей сел и малых городов (Жидкевич, 2016; Мкртчян, Флоринская, 2019; Плюснин, 2019). Очевидно, это следствие серьезных проблем на локальных рынках труда (небольшая зарплата, ограниченный спрос на труд, низкое качество рабочих мест). Половина вахтовых мигрантов (54%) ездит домой 1–2 раза в месяц, 29% — реже 1 раза в месяц, 17% — 1 раз в неделю. Естественно, что чем дальше расположен регион-донор, тем реже поездки к месту постоянного проживания. Так, 57% вахтовых мигрантов из Центрального ФО ездят домой 1–2 раза в месяц, 32% делают это еженедельно; 59% мигрантов из Приволжского ФО совершают поездки домой 1–2 раза в месяц, 39% — реже 1 раза в месяц. Среди вахтовиков из Северо-Кавказского ФО, а также значительно удаленных Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО подавляющее большинство ездит домой реже одного раза в месяц (86%, 69, 66 и 79% соответственно).

Отметим также, что трудовая миграция в Москву во многом мужское занятие. Если в составе работающих москвичей мужчины составляют половину, то среди мигрантов доля мужчин больше: среди маятниковых — 59%, среди вахтовых — 81, среди международных — 73%.

Место мигрантов на рынке труда Москвы

Возраст. Возрастной профиль вахтовых и еще в большей мере международных мигрантов сдвинут в молодые возраста (табл. 2)¹⁴. Если доля молодежи до 30 лет среди занятых москвичей составляет 13%, то среди вахтовиков она уже в полтора раза больше (около 19%),

¹⁴ Здесь и далее расчеты выполнены на данных ОРС, БТР и опроса мигрантов за 2023 г.

Т а б л и ц а 2

Возрастная структура работающих в Москве (в %)

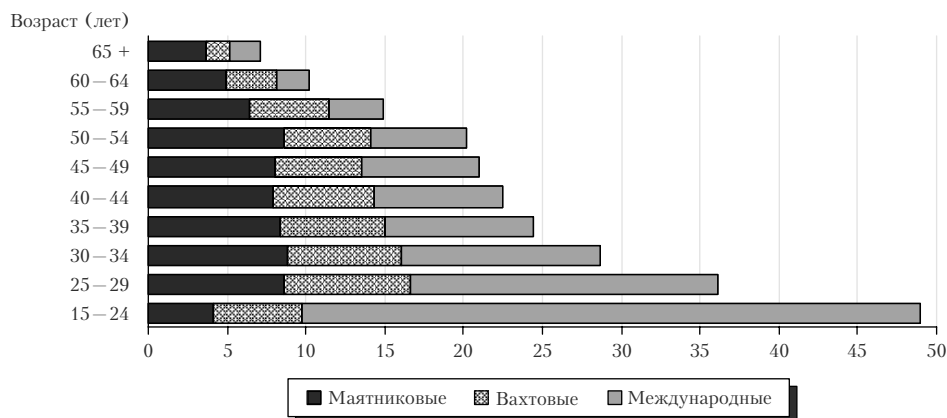
Возраст, лет	Москвичи	Мигранты		
		маятниковые	вахтовые	международные
До 24	4,3	3,4	5,8	22,5
25–29	8,9	11,8	13,7	18,8
30–34	13,8	16,7	17,3	16,9
35–39	15,4	16,9	16,5	13,3
40–44	14,1	14,1	14,6	10,2
45–49	12,6	12,5	11,0	8,0
50–54	11,2	12,0	9,6	5,9
55–59	10,7	8,0	7,9	2,9
60–64	7,0	3,8	3,2	1,1
65 и старше	2,0	0,8	0,4	0,3
Средний возраст, лет	42,9	41,0	39,6	33,9

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (москвичи, маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

среди иностранных работников — больше в три раза (41%). Работников старше 50 лет среди москвичей почти треть (31%), среди маятниковых мигрантов — четверть, среди вахтовых — пятая часть (21%), среди международных — около 10%.

Следствием такой дифференциации возрастной структуры является значительный вклад мигрантов, прежде всего международных, в численность занятых молодого возраста (15–29 лет). Наши расчеты показывают, что почти половина 15–24-летних работников в Москве — это международные и внутренние мигранты. В следующей возрастной группе (25–29 лет) их доля также высока — около 36% (рис. 1). Далее доля мигрантов в составе работающих начинает монотонно убывать. Эта тенденция проявляется главным образом среди международных

Доля мигрантов в составе работников разных возрастов в Москве (в %)

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Рис. 1

мигрантов, доля которых снижается с 39% в группе 15–24 лет до 2% в группе старше 60 лет. Доля внутренних мигрантов среди работников разных возрастов более устойчива и составляет 13–16% среди занятых молодых и основных рабочих возрастов (до 60 лет).

Образование. Трудовые мигранты отличаются от москвичей и по уровню образования (табл. 3). Обращает на себя внимание высокий уровень образования маятниковых мигрантов, среди которых даже по сравнению с высокообразованными москвичами несколько больше работников, имеющих вузовские дипломы. По нашему мнению, эта особенность прежде всего является следствием территориальной дифференциации заработных плат. Различия в заработках работающих в Москве и Московской области тем больше, чем выше уровень их образования. По данным Росстата, заработная плата специалистов высшего уровня квалификации в Москве на 55–65% больше, чем у этой же профессиональной группы в Московской области. Различия в заработках рабочих существенно меньше и не превышают 15%¹⁵. Такая дифференциация заработных плат делает столичный рынок труда привлекательным в первую очередь для высокообразованного населения, проживающего в Подмосковье. В результате мы наблюдаем позитивную селекцию в маятниковую миграцию¹⁶.

Т а б л и ц а 3

Образовательная структура работающих в Москве (в %)

Образование	Москвичи	Мигранты		
		маятниковые	вахтовые	международные
Высшее	58,1	60,0	22,0	12,7
Среднее профессиональное	26,3	25,0	24,6	18,1
Начальное профессиональное	10,3	8,2	24,8	7,4
Среднее общее	4,4	6,5	23,1	56,9
Основное общее и ниже	0,8	0,4	5,5	4,9

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (москвичи, маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Вахтовые и внешние трудовые мигранты имеют гораздо более низкий уровень образования по сравнению с другими рассматриваемыми группами¹⁷. В отличие от москвичей и маятниковых мигрантов, среди вахтовиков и иностранных работников преобладают лица, не получившие профессионального образования. Почти 30% вахтовиков окончили

¹⁵ Росстат. Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам за октябрь 2023 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>

¹⁶ Среди занятого населения, живущего и работающего в Московской области, доля обладателей вузовских дипломов составляет 39%, что в 1,6 раза меньше, чем среди маятниковых мигрантов из этого региона в столицу (61%). Напротив, удельный вес имеющих более низкие уровни образования среди работников Московской области в 1,5–2 раза выше по сравнению с теми, кто ездит работать в Москву.

¹⁷ Более детальный анализ показывает, что эта особенность сохраняется и при контроле возраста.

только среднюю (полную или основную) школу. Среди международных мигрантов таких 60%.

Как следствие, мигранты, главным образом вахтовые и международные, составляют основную часть работников с невысоким уровнем образования. Их удельный вес в группе работающих со средним общим образованием составляет 71%, среди имеющих основное общее образование — 58% (рис. 2). Доля мигрантов среди более образованных работников существенно меньше: 14% среди занятых с высшим образованием, 21% — среди работающих со средним профессиональным.

Источник: рассчитано авторами по данным ОПС (маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Рис. 2

Таким образом, москвичи и маятниковые мигранты, с одной стороны, и вахтовые и международные мигранты — с другой, по возрасту и образованию дополняют друг друга, что потенциально ограничивает возможности их прямой конкуренции за рабочие места. Мигранты, прежде всего вахтовые и международные, замещают на столичном рынке труда группы населения, численность которых снижается, то есть молодежь и население с невысоким уровнем образования.

Отрасли. Отраслевая структура существенно дифференцирована у работающих с различным миграционным статусом (табл. 4). Занятость вахтовых и международных мигрантов сконцентрирована в ограниченном отраслевом сегменте столичного рынка труда: около $\frac{3}{4}$ из них трудится в одной из четырех отраслей (строительстве, торговле, транспорте, административной деятельности¹⁸). Занятость москвичей и маятниковых мигрантов существенно более диверсифицирована. Нет ни одной отрасли, в которой работало бы более 15% из них. В четырех отраслях-лидерах занято 48% маятниковых работников и 41% москвичей, что существенно меньше, чем в случае с вахтовиками и международными мигрантами. В целом отраслевая структура занятости москвичей и маятниковых мигрантов не различается значимым образом и во многом схожа, однако существенно отличается от распределения по отраслям вахтовиков и иностранных работников.

¹⁸ Подавляющее большинство мигрантов, относящихся к такому виду экономической деятельности, как административная, заняты охраной и уборкой помещений и территорий.

**Отраслевая структура занятости
работающих в Москве (в %)**

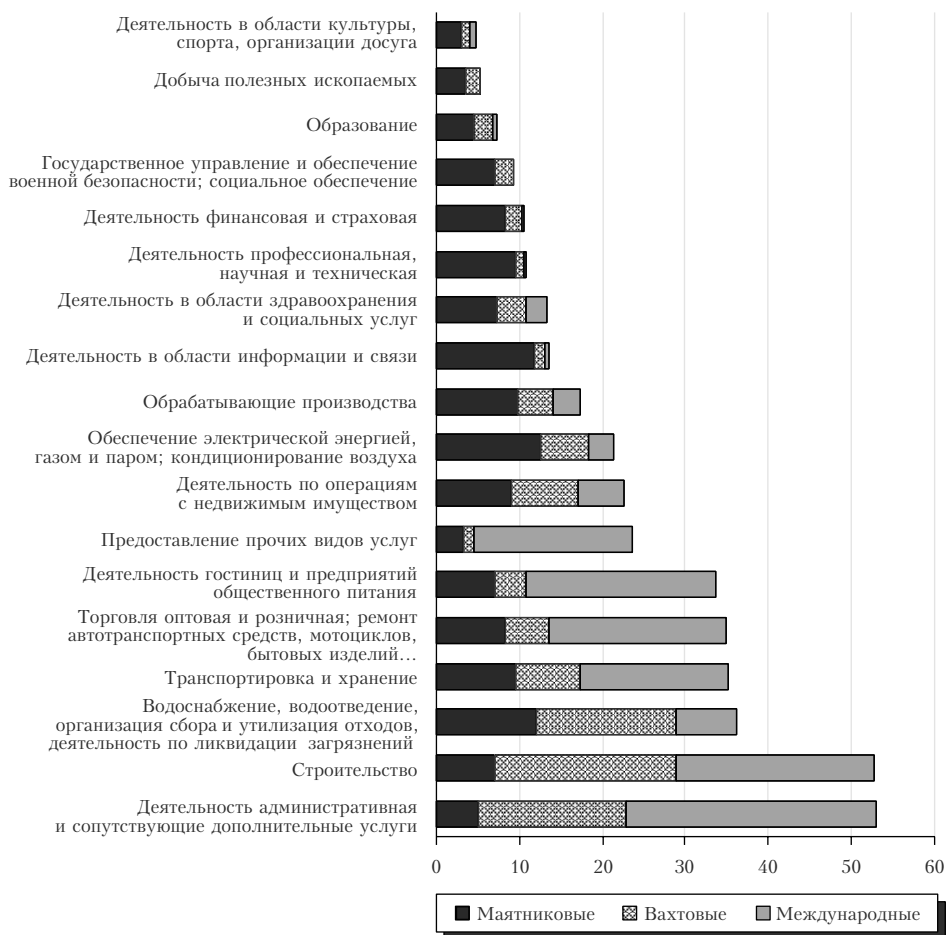
Отрасль	Москвичи	Мигранты		
		маятниковые	вахтовые	международные
Сельское хозяйство	0,3	0,1	0,3	0,2
Добыча полезных ископаемых	0,3	0,1	0,1	0
Обрабатывающие производства	8,5	9,9	5,3	2,4
Обеспечение электроэнергией, газом и паром	0,8	1,2	0,7	0,2
Водоснабжение, организация сбора и утилизация отходов	0,3	0,5	0,8	0,2
Строительство	5,4	8,0	31,0	18,7
Торговля оптовая и розничная	11,4	14,4	11,6	25,6
Транспортировка и хранение	7,8	11,1	11,7	14,6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3,4	3,5	2,4	8,1
Деятельность в области информации и связи	5,9	7,8	1,1	0,3
Деятельность финансовая и страховая	5,3	4,8	1,4	0,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,4	1,6	1,7	0,7
Деятельность профессиональная, научная и техническая	11,6	12,2	1,8	0,2
Деятельность административная	4,2	4,5	19,5	18,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	6,2	4,7	2,0	0
Образование	7,8	3,8	2,4	0,3
Здравоохранение и социальные услуги	9,6	8,1	4,7	2,0
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга	5,4	1,7	0,6	0,3
Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги	4,4	1,8	0,8	5,8
Деятельность домашних хозяйств	0	0	0	1,8
Уровень концентрации в топ-4 отраслях	41,1	47,6	73,8	77,5

Примечание. Полу жирным шрифтом выделена четверка отраслей-лидеров по доле работающих в каждой группе.

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (москвичи, маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Наиболее значим труд мигрантов в строительстве и административной деятельности, где их доля превышает 50% работающих (рис. 3). Причем абсолютное большинство мигрантов, занятых в этих отраслях, являются вахтовыми и международными. Таким образом, утверждение, что Москву строят, охраняют и убирают мигранты, не преувеличение. На предприятиях водоснабжения, транспорта, торговли, в гостиницах и общественном питании мигранты составляют около $\frac{1}{3}$ работников. Все названные выше отраслевые рынки относятся к вторичному сегменту рабочих мест. На противоположном «полюсе» находятся такие отрасли первичного сегмента, как образование и культура, государственное управление и добыча полезных ископаемых, страхование и финансы, профессиональная, научная и техническая деятельность, где доля мигрантов минимальна и не превышает 10%.

Доля мигрантов в численности занятых по видам экономической деятельности в Москве (в %)

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Рис. 3

Занятия. Как и отраслевая, профессионально-должностная структура работающих на столичном рынке труда значительно варьирует по миграционному статусу (табл. 5). У москвичей и маятниковых мигрантов она смещена к квалифицированным занятиям — руководителям и специалистам высшего и среднего уровня квалификации, доля которых в этих двух группах составляет 70%. Вахтовики и иностранные работники сконцентрированы на менее квалифицированных позициях. Однако если у мигрантов-иностранцев свыше 40% рабочих мест относится к неквалифицированным рабочим, то у вахтовиков значительная часть сосредоточена ближе к середине квалификационной пирамиды (работники торговли и охраны, квалифицированные рабочие) и только 10% из них являются неквалифицированными рабочими. Очевидно, мигранты-россияне имеют более высокий уровень резервной заработной платы и не готовы приезжать на работу в Москву на самые низкооплачиваемые места.

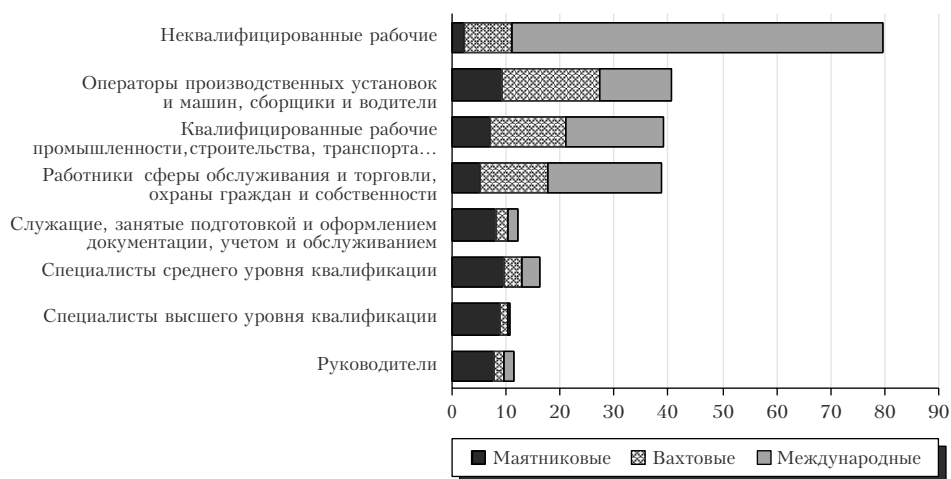
Профессионально-должностная структура работающих в Москве (в %)

Должность	Москвичи	Мигранты		
		маятниковые	вахтовые	международные
Руководители	6,5	5,5	1,7	1,0
Специалисты высшего уровня квалификации	46,8	45,4	11,1	1,1
Специалисты среднего уровня квалификации	16,9	18,8	9,1	4,3
Служащие, занятые подготовкой документации, учетом	4,7	4,3	1,5	0,7
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны	11,9	9,8	30,3	28,1
Квалифицированные работники сельского хозяйства	0,1	0	0,1	0
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта	6,8	7,7	19,6	14,1
Операторы производственных установок, сборщики и водители	4,4	6,6	16,5	6,8
Неквалифицированные рабочие	1,9	1,9	10,1	43,9

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (москвичи, маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Доля вахтовых и международных мигрантов среди неквалифицированных рабочих составляет почти 80%. Подавляющее большинство из них (около 70%) — это международные мигранты. Значительна доля вахтовиков и иностранных работников среди квалифицированных рабочих и работников торговли и охраны — их около 40% (рис. 4). На позициях квалифицированного труда (руководителей, специалистов,

Доля мигрантов в численности профессионально-должностных групп в Москве (в %)

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

Рис. 4

служащих) вахтовики и международные мигранты практически не представлены: их доля составляет всего 2–4%.

Нишевая занятость мигрантов и местного населения на рынке труда Москвы

Под нишевой занятостью понимаются рабочие места, на которых сверхпредставлена какая-либо группа работников. Такие сегменты занятости выделяются обычно по отраслевому или профессионально-квалификационному критериям либо по их сочетанию (комбинированный подход). Комбинированный подход требует больших массивов данных, однако позволяет точнее определить нишевые сегменты и потому был использован в работе. На основе «пересечения» 19 видов экономической деятельности и 9 профессионально-должностных групп (на однозначных уровнях классификации ОКВЭД и ОКЗ) была выделена 171 (19x9) профессионально-отраслевая группа. Поскольку объектом нашего анализа выступает рынок труда Москвы, отрасль «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» и группа «квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства» были исключены ввиду их малочисленности. В результате мы рассматривали 144 группы.

Для измерения уровня «нишевости» (концентрации) занятости применен индекс селективности (I_{ij}), который считается наиболее корректным для оценок концентрации занятости отдельных групп населения (Wang, Pandit, 2007) и обычно используется в подобного рода исследованиях (Fong, Shen, 2011; Wang, Pandit, 2003; Wilson, 2003). Индекс рассчитывается по формуле:

$$I_{ij} = \left(\frac{E_{ij}}{E_{t-ij}} \right) / \left(\frac{O_{ij}}{O_{t-ij}} \right),$$

где: E_{ij} — численность группы E , занятой в отрасли i и в профессионально-должностной группе j ; E_{t-ij} — численность группы E , занятой во всех остальных профессионально-должностных группах $t-ij$; O_{ij} — численность остальных групп O , работающих в отрасли i и в профессионально-должностной группе j ; O_{t-ij} — численность остальных групп O , занятых в экономике, за исключением отрасли i и профессионально-должностной группы j .

Профессионально-отраслевой сегмент оценивался как «нишевый», если он соответствовал двум условиям: 1) численность работающих в нем была не меньше 50% среднеарифметического числа занятых, рассчитанного для одной группы¹⁹; 2) значение индекса было не менее 1,5²⁰.

Около $\frac{2}{3}$ рабочих мест на столичном рынке труда можно оценить как нишевые, то есть там присутствует сверхконцентрация по край-

¹⁹ Если общая численность занятых москвичей 7170 тыс. человек, то минимальная численность работающих в сегменте составляет около 25 тыс. ($7170 / 144 \times 0,5$).

²⁰ Данная величина наиболее часто используется в качестве пороговой для определения сверхконцентрации какой-либо группы.

ней мере одной из рассматриваемых групп. Максимальный уровень концентрации характерен для международных мигрантов: абсолютное большинство (86%) занято на нишевых рабочих местах (табл. 6)²¹. Среди москвичей в таком сегменте работает 69%, среди вахтовиков — 60%. Наиболее диверсифицирована занятость маятниковых мигрантов. Почти 70% нишевой занятости москвичей сконцентрировано в первичном сегменте. Напротив, практически все нишевые рабочие места вахтовых и международных мигрантов сосредоточены во вторичном сегменте. Кардинально отличается и профессионально-должностная структура нишевой занятости у работающих с разным миграционным статусом: почти 90% нишевой занятости москвичей и маятниковых мигрантов сосредоточено на позициях руководителей и специалистов. В отличие от них, вся нишевая занятость вахтовых и международных мигрантов сконцентрирована на позициях работников торговли и охраны, квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Более детальную информацию о различиях нишевой занятости работающих в Москве, которая красноречиво свидетельствует о ее дифференциации, дают данные об основных (наиболее массовых) профессиях по группам занятых, различающихся миграционным ста-

Т а б л и ц а 6

Профессионально-должностная структура нишевой занятости по миграционному статусу (в %)

Занятость	Москвичи	Мигранты		
		маятниковые	вахтовые	международные
Доля занятых на нишевых рабочих местах	69,0	43,0	60,0	86,0
Доля нишевых рабочих мест в первичном сегменте	68,8	45,4	4,0	0,6
Доля нишевых рабочих мест во вторичном сегменте	31,2	54,6	96,0	99,4
<i>Профессионально-должностная структура нишевой занятости (% по столбцу)</i>				
Руководители	7,8	2,1	0	0
Специалисты высшего уровня квалификации	64,8	63,3	0	0
Специалисты среднего уровня квалификации	17,2	23,0	0	0
Служащие, занятые подготовкой документации, учетом	4,1	4,0	0	0
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны	2,7	2,5	36,3	29,6
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта	3,4	5,1	26,5	12,5
Операторы производственных установок, сборщики и водители	0	0	25,8	7,1
Неквалифицированные рабочие	0	0	11,3	50,8

Источник: рассчитано авторами по данным ОРС (москвичи, маятниковые и вахтовые мигранты) и результатам опроса мигрантов 2023 г. (международные мигранты).

²¹ Детальные результаты расчетов индекса селективности для каждой профессионально-отраслевой группы по четырем категориям работающих по миграционному статусу можно получить по запросу.

Т а б л и ц а 7

Самые массовые профессии нишевой занятости работающих в Москве

Москвичи	Мигранты		
	Маятниковые	Вахтовые	Международные
<ul style="list-style-type: none"> – специалисты в области научной и профессиональной деятельности – специалисты в образовании – специалисты в здравоохранении – специалисты в связи и информации – специалисты в обрабатывающих производствах 	<ul style="list-style-type: none"> – специалисты в области научной и профессиональной деятельности – специалисты в связи и информации – специалисты в торговле – специалисты среднего уровня квалификации в торговле – специалисты на транспорте 	<ul style="list-style-type: none"> – работники, осуществляющие охрану на производственных предприятиях и в сфере обслуживания – водители транспортных средств – неквалифицированные рабочие в строительстве 	<ul style="list-style-type: none"> – неквалифицированные рабочие в сфере административной деятельности (уборщики помещений и территорий) – работники торговли, включая продавцов на рынках – квалифицированные рабочие в строительстве – неквалифицированные рабочие, занятые на транспорте и хранении (в основном грузчики) – неквалифицированные рабочие в строительстве

Источник: составлено авторами.

тусом (табл. 7). Все пять самых массовых нишевых профессий работающих москвичей относятся к группе специалистов высшего уровня квалификации, четыре из них — это занятия в первичном сегменте. Во многом аналогичное распределение и у маятниковых мигрантов: четыре наиболее массовые профессии относятся к группе специалистов высшей квалификации и только одна — к специалистам средней квалификации. Совершенно иной набор у вахтовых и международных мигрантов: все самые массовые профессии относятся либо к группе «работники сферы торговли и охраны», либо к рабочим позициям и сконцентрированы во вторичном сегменте.

Заключение

Временные мигранты составляют значимую часть рынка труда Москвы. Их общая численность составила в последнее годы не менее 2,2 млн человек, в том числе внутренние (маятниковые и вахтовые) — около 1,2 млн и международные — не менее 1,0 млн человек. В целом на долю трудовых мигрантов приходится, как минимум, четверть всех работающих в столице.

Социально-демографические характеристики и места приложения труда москвичей и маятниковых мигрантов во многом схожи и существенно отличаются от вахтовых и международных мигрантов. Фактическая схожесть профессионально-квалификационных структур маятниковых мигрантов и москвичей отражает как процесс субурбанизации, так и единство рынка труда в границах московской агломерации.

Вахтовики и иностранные работники существенно моложе и менее образованные по сравнению с москвичами. Вследствие специфики воз-

растного и образовательного состава они компенсируют убывающие по численности группы москвичей — молодежь и население с невысоким уровнем образования. Профессионально-должностная и отраслевая структура вахтовых и международных мигрантов резко смещена к менее квалифицированным, простым занятиям, связанным с физическим трудом. Тем самым они заполняют разрыв в спросе на труд невысокой квалификации и в его предложении со стороны высокообразованной московской рабочей силы, смягчая кадровый дефицит на позициях, которые не привлекательны для местного населения. Кроме того, для москвичей расширяются возможности выбрать более высококвалифицированные профессиональные занятия.

Трудовые мигранты занимают устоявшиеся ниши на столичном рынке труда. Выполненные впервые на российских данных расчеты индексов селективности дают непротиворечивую картину сегментации столичного рынка труда. Первый сегмент представлен рабочими местами, предполагающими умственный труд высокой квалификации. Основная часть этих рабочих мест сосредоточена в деловых и бизнес-услугах и в бюджетной сфере. Заняты на них преимущественно москвичи и маятниковые мигранты. Другой сегмент включает рабочие места, с которыми связан физический и/или ручной труд, не требующий высокой профессиональной квалификации, имеет низкие «пороги для входа». Такие рабочие места сконцентрированы в производственной сфере, строительстве, на транспорте, торговле, ЖКХ. Эти рабочие места являются нишевой занятостью вахтовых и международных мигрантов. Выделенные ниши на рынке труда ограничены разными требованиями к уровню образования и квалификации, размером заработной платы. Как показывают исследования, мобильность между ними носит ограниченный характер (Мукомель, 2020; Варшавская, Денисенко, 2019).

Наши результаты согласуются с выводами зарубежных исследований. Трудовые мигранты смягчают дефицит рабочей силы, особенно в секторах, которые не привлекательны для местного населения. Вахтовые и международные мигранты в Москве занимают рабочие места, отличные от мест работы коренного населения, к которому можно отнести и маятниковых мигрантов. Существенное расхождение социально-демографических характеристик и мест приложения труда москвичей и маятниковых мигрантов, с одной стороны, и вахтовых и международных мигрантов — с другой, позволяет рассматривать эти группы не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга на рынке труда. Конкуренция между практически неразличимыми по основным характеристикам москвичами и маятниковыми мигрантами вряд ли возможна, поскольку последние давно встроились в столичный рынок труда, границы которого, очевидно, выходят за пределы административных границ Москвы. Некоторая конкуренция теоретически допустима между российскими вахтовыми мигрантами и иностранными работниками, а также между мигрантами и местным населением во вторичном сегменте рынка труда. Однако в обоих случаях она практически маловероятна прежде всего в силу существенного превышения спроса на низкоквалифицированный простой труд над его предложением.

нием со стороны москвичей. Кроме того, как показал анализ нишевых рабочих мест, существует определенная профессионально-отраслевая специализация в занятости вахтовиков и международных мигрантов, которая также ограничивает прямую конкуренцию между ними.

Сложившаяся миграционная ситуация в количественном отношении вряд ли изменится в ближайшем будущем. Основанием для такого утверждения служат прогнозные оценки. Согласно разным вариантам демографического прогноза, выполненного в 2023 г. в Институте демографии НИУ ВШЭ, в Москве продолжится процесс старения: доля лиц от 60 лет и старше в общей численности населения увеличится с 26% в 2023 г. до 30% в 2035 г. За этот же период численность лиц в возрасте от 20 до 40 лет уменьшится на 550–650 тыс. человек (в зависимости от того, какой будет постоянная миграция в Москву), а их доля в населении упадет с 27 до 21%. Продолжится тенденция к повышению уровня образования населения города. Согласно нашим оценкам, доля лиц с высшим образованием среди жителей Москвы в возрасте 25–65 лет к 2035 г. приблизится к 60% (сейчас — около 50%), а доля лиц со средним общим образованием и ниже составит менее 6%. Таким образом в городе создаются предпосылки для привлечения молодых мигрантов, готовых выполнять работу, не требующую высокого уровня образования.

За рамками нашего исследования остался ряд важных вопросов (например, влияние мигрантов на заработную плату местных работников, миграция и спрос на низкоквалифицированный труд, влияние миграции на технологическую модернизацию). Их анализ требует дополнительной информации. Представляется целесообразным включить международных временных мигрантов, а также вопросы о заработной плате в Обследовании рабочей силы Росстата. Условием для проведения качественных статистических обследований является надежная и структурированная информация о международных мигрантах, собираемая в системе ГУВМ МВД РФ.

Список литературы / References

- Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. (2019). Квалификационная мобильность мигрантов в России // Вопросы экономики. № 11. С. 63–80. [Varshavskaya E. Y., Denisenko M. B. (2019). Immigrant occupational mobility in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 63–80. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-63-80>
- Воробьева О. Д., Гребенюк А. А., Топилин А. В. (2013). Методологические подходы к организации обследования труда мигрантов в России // Вопросы статистики. № 10. С. 14–23. [Vorobieva O. D., Grebenyuk A. A., Topilin A. V. (2013). Methodological approaches to organizing a survey of migrant labor in Russia. *Voprosy Statistiki*, No. 10, pp. 14–23. (In Russian).]
- Гимпельсон В., Капелюшников Р. (2015). «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. № 7. С. 87–119. [Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2015). Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 87–119. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-7-87-119>

- Горшкова Е. В. (2012). Регулируемая трудовая миграция в г. Москве в условиях дефицита рабочих кадров // Вопросы структуризации экономики. № 3. С. 121–123. [Gorshkova E. V. (2012). Regulated labor migration in Moscow in conditions of labor shortage. *Voprosy Strukturizatsii Ekonomiki*, No. 3, pp. 121–123. (In Russian).]
- Денисенко М. Б., Степанова А. В. (2013). Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 88–96. [Denisenko M. B., Stepanova A. V. (2013). Population dynamics in Moscow over the past 140 years. *Moscow University Economics Bulletin*, No. 3, pp. 88–96. (In Russian).]
- Жидкевич Н. Н. (2016). Социальный портрет российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19, № 1. С. 73–89. [Zhidkevich N. N. (2016). Domestic temporary labor migrants in Russia: A social portrait. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, Vol. 19, No. 1, pp. 73–89. (In Russian).]
- Заславская Т. И., Иванов Р. К. (1969). Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск: Наука. [Zaslavskaya T. I., Ivanov R. K. (1969). *Methodology of a sample survey of rural migration*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).]
- Карачурина Л. Б. (2005). Мигранты и рынки труда крупных российских городов: согласование взаимных интересов // Демоскоп Weekly. № 223–224. [Karachurina L. B. (2005). Migrants and labor markets of large Russian cities: Reconciling mutual interests. *Demoscope Weekly*, No. 223–224. (In Russian).]
- Махрова А. Г., Бабкин Р. А., Кириллов П. Л. (2024). Пространственно-временные особенности маятниковых миграций в Московском регионе // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 249–256. [Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L. (2024). Spatiotemporal commuting patterns in Moscow region. *Journal of the New Economic Association*, No. 2, pp. 249–256. (In Russian).] https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_249-256
- Махрова А. Г., Кириллов П. Л. (2015). Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценке // Региональные исследования. № 1. С. 117–125. [Makhrova A. G., Kirillov P. L. (2015). Seasonal fluctuations in population distribution within Moscow metropolitan area under travelling to second homes and labour commuting: Approaches and estimations. *Regional Studies*, No. 1, pp. 117–125. (In Russian).]
- Мкртчян Н. В. (2015). Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. № 3. С. 107–115. [Mkrтчyan N. V. (2015). Migration in Moscow and Moscow region: Regional and structural peculiarities. *Regional Studies*, No. 3, pp. 107–115. (In Russian).]
- Мкртчян Н. В. (2019). Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрироссийской миграции // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 17. С. 252–268. [Mkrтчyan N. V. (2019). The role of the Moscow metropolitan region as the largest center of intra-Russian migration. *Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS*, No. 17, pp. 252–268. (In Russian).] https://doi.org/10.29003/m820.sp_ief_gas2019/252-268
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 186–193. [Mkrтчyan N. V., Florinskaya Y. F. (2018). Labor migration in Russia: International and internal aspects. *Journal of the New Economic Association*, No. 1, pp. 186–193. (In Russian).] <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9>
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 78–95. [Mkrтчyan N. V., Florinskaya Y. F. (2019). Residents of small and mid-size towns of Russia: Labor migration as an alternative to permanent transfer. *Journal of the New Economic Association*, No. 3, pp. 78–95. (In Russian).] <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>

- Мукомель В. И. (2020). Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. Т. 26, № 2. С. 31–59. [Mukomel V. I. (2020). Highly skilled migrants from post-Soviet states: Labor mobility. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, Vol. 26, No. 2, pp. 31–59. (In Russian).] <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264>
- Плюснин Ю. М. (2019). Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. № 11. С. 94–115. [Plyusnin Y. M. (2019). Russian otkhodnichestvo: Milestones of a centuries-old history. *ECO*, No. 11, pp. 94–115. (In Russian).] <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-11-94-115>
- Рыбаковский Л. Л. (1987). Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука. [Rybakovsky L. L. (1987). *Population migration: Forecasts, factors, policies*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Тюрюканова Е. В. (2001). Теневая занятость мигрантов в Москве // Народонаселение. № 4. С. 56–69. [Tyuryukanova E. V. (2001). Shadow employment of migrants in Moscow. *Population*, No. 4, pp. 56–69. (In Russian).]
- Тюрюканова Е. В. (2004). Мигранты на неформальном рынке труда в Москве // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. М.: MOM. С. 161–195. [Tyuryukanova E. V. (2004). Migrants in the informal labor market in Moscow. In: *The problem of illegal migration in Russia: Realities and search for solutions*. Moscow: ИОМ, pp. 161–195. (In Russian).]
- Тюрюканова Е. В. (2009). Трудовые мигранты в Москве: второе общество // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж. А. Зайончовской. М.: Три квадрата. С. 148–175. [Tyuryukanova E. V. (2009). Labor migrants in Moscow: The second society. In: Z. A. Zaionchovskaya (ed.). *Immigrants in Moscow*. Moscow: Tri Kvadrata, pp. 148–175. (In Russian).]
- Флоринская Ю. Ф. (2015). Влияние миграции на рынок труда в Москве: представления москвичей и реальность // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 135–143. [Florinskaya Y. F. (2015). Impact of migration on the labor market in Moscow: Perceptions of muscovites and reality. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 2, pp. 135–143. (In Russian).]
- Флоринская Ю. Ф. (2023). Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. Т. 10, № 4. С. 69–85. [Florinskaya Y. F. (2023). Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): You can't leave and stay. *Demographic Review*, Vol. 10, No. 4, pp. 69–85. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>
- Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. (2015). Миграция и рынок труда. М.: Дело. [Florinskaya Y. F., Mkrtychyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. (2015). *Migration and labor market*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Хорев Б. С., Чапек В. Н. (1978). Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль. [Khorev B. S., Chapek V. N. (1978). *Problems of studying population migration*. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Чудиновских О. С. (2021). К вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики // Вопросы статистики. Т. 28, № 1. С. 5–17. [Chudinovskikh O. S. (2021). On the establishment of the population register and the use of administrative data for the needs of state statistics. *Voprosy Statistiki*, Vol. 28, No. 1, pp. 5–17. (In Russian).] <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>
- Чудиновских О. С., Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В. (2013). Временные трудовые мигранты в России // Демоскоп Weekly. № 579–580. [Chudinovskikh O. S., Denisenko M. B., Mkrtychyan N. V. (2013). Temporary labor migrants in Russia. *Demoscope Weekly*, № 579–580. (In Russian).]
- Чудиновских О. С., Донец Е. В. (2018). О новых технологиях и статистике миграции в России // Вопросы статистики. Т. 25, № 5. С. 11–26. [Chudinovskikh O. S., Donets E. V. (2018). On new technologies and migration statistics in Russia. *Voprosy Statistiki*, Vol. 25, No. 5, pp. 11–26. (In Russian).]

- Шитова Ю. Ю. (2009). Маятниковая трудовая миграция в Подмоскowie: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. [Shitova Y. Y. (2009). *Commuting labor migration in the Moscow region: A complex socio-economic analysis*. Saransk: Mordovia State University Publ. (In Russian).]
- Юдина Т. Н. (2007). Миграция: словарь основных терминов. М.: Академический проект. [Yudina T. N. (2007). *Migration: Glossary of basic terms*. Moscow: Akademicheskiiy Proekt. (In Russian).]
- Ягельский А. (1980). География населения. М: Прогресс. [Yagelskiyi A. (1980). *Geography of population*. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Beine M., Coulombe S. (2018). Immigration and internal mobility in Canada. *Journal of Population Economics*, Vol. 31, pp. 69–106. <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0645-0>
- Borjas G. J. (1989). Economic theory and international migration. *International Migration Review*, Vol. 23, No. 3, pp. 457–485. <https://doi.org/10.1177/019791838902300304>
- Borjas G. J. (2006). Native internal migration and the labor market impact of immigration. *Journal of Human Resources*, Vol. 41, No. 2, pp. 221–258. <https://doi.org/10.3368/jhr.XLI.2.221>
- Borjas G. J., Monras J. (2017). The labour market consequences of refugee supply shocks. *Economic Policy*, Vol. 32, No. 91, pp. 361–413. <https://doi.org/10.1093/epolic/eix007>
- Card D. (1990). The impact of the Mariel boatlift on the Miami labor market. *Industrial and Labor Relations Review*, Vol. 43, No. 2, pp. 245–257. <https://doi.org/10.1177/001979399004300205>
- Card D. (2005). Is the new immigration really so bad? *The Economic Journal*, Vol. 115, No. 507, pp. F300–F323. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2005.01037.x>
- Clark W. A. (1986). *Human migration*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- De Haas H. (2009). *Mobility and human development*. New York: UNDP.
- De Haas H. (2021). A theory of migration: The aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, Vol. 9, No. 8. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>
- Dustmann C., Schönberg U., Stuhler J. (2016). The impact of immigration: Why do studies reach such different results? *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 30, No. 4, pp. 31–56. <https://doi.org/10.1257/jep.30.4.31>
- Edo A. (2019). The impact of immigration on the labor market. *Journal of Economic Surveys*, Vol. 33, No. 3, pp. 922–948. <https://doi.org/10.1111/joes.12300>
- Ellis M., Wright R. (1999). The industrial division of labor among immigrants and internal migrants to the Los Angeles economy. *International Migration Review*, Vol. 33, No. 1, pp. 26–54. <https://doi.org/10.1177/019791839903300102>
- Fernández-Macias E., Hurley J. (2017). Routine-biased technical change and job polarization in Europe. *Socio-Economic Review*, Vol. 15, No. 3, pp. 563–585. <https://doi.org/10.1093/ser/mww016>
- Filer R. K. (1992). The impact of immigrant arrivals on migratory patterns of native workers. In: G. Borjas, R. Freeman (eds.). *Immigration and the workforce: Economic consequences for the United States and Source areas*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 245–269.
- Fong E., Shen J. (2011). Explaining ethnic enclave, ethnic entrepreneurial and employment niches: A case study of Chinese in Canadian immigrant gateway cities. *Urban Studies*, Vol. 48, No. 8, pp. 1605–1633. <https://doi.org/10.1177/0042098010379278>
- Frey W. H. (1995). Immigration and internal migration “flight”: A California case study. *Population and Environment*, Vol. 16, pp. 353–375. <https://doi.org/10.1007/BF02208119>
- Gordon I., Travers T., Whitehead C. (2007). *The impact of recent immigration on the London economy*. London: London School of Economics and Political Science.
- Harris J. R., Todaro M. P. (1970). Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. *American Economic Review*, Vol. 60, No. 1, pp. 126–142.

- Hempstead K. (2003). Immigration and native migration in New York City, 1985–1990. *Population Research and Policy Review*, Vol. 22, pp. 333–349. <https://doi.org/10.1023/A:1027370802989>
- Kornstad T., Skjerpén T., Stambøl L. S. (2024). Empirical modeling of internal migration and commuting flows for economic regions in Norway. *Annals of Regional Science*, Vol. 72, pp. 473–512. <https://doi.org/10.1007/s00168-023-01208-3>
- Lee E. S. (1966). A theory of migration. *Demography*, Vol. 3, No. 1, pp. 47–57.
- Longhi S., Nijkamp P., Poot J. (2010a). Joint impacts of immigration on wages and employment: Review and meta-analysis. *Journal of Geographical Systems*, Vol. 12, pp. 355–387. <https://doi.org/10.1007/s10109-010-0111-y>
- Longhi S., Nijkamp P., Poot J. (2010b). Meta-analyses of labour-market impacts of immigration: Key conclusions and policy implications. *Environment and Planning C: Policies and Space*, Vol. 28, No. 5, pp. 819–833. <https://doi.org/10.1068/c09151r>
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, Vol. 19, No. 3, pp. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Monte F., Redding S. J., Rossi-Hansberg E. (2018). Commuting, migration, and local employment elasticities. *American Economic Review*, Vol. 108, No. 12, pp. 3855–3890. <https://doi.org/10.1257/aer.20151507>
- Oesch D., Piccitto G. (2019). The polarization myth: Occupational upgrading in Germany, Spain, Sweden, and the UK, 1992–2015. *Work and Occupations*, Vol. 46, No. 4, pp. 441–469. <https://doi.org/10.1177/0730888419860880>
- Okkerse L. (2008). How to measure labour market effects of immigration: A review. *Journal of Economic Surveys*, Vol. 22, No. 1, pp. 1–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6419.2007.00533.x>
- Peri G. (2016). Immigrants, productivity, and labor markets. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 30, No. 4, pp. 3–30. <https://doi.org/10.1257/jep.30.4.3>
- Portes A., Zhou M. (1992). Gaining the upper hand: Economic mobility among immigrants and domestic minorities. *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 15, No. 4, pp. 491–522. <https://doi.org/10.1080/01419870.1992.9993761>
- Priore M. (1971). The dual labour market. Theory and implications. In: D. Gordon. *Problems in political economy: An urban perspective*. Lexington: DC Health and Co.
- Priore M. (1979). *Birds of passage: Migrant labour and industrial societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ravenstein G. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, Vol. 48, No. 2, pp. 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>
- Ravenstein G. (1889). The laws of migration. *Journal of the Royal Statistical Society*, Vol. 52, No. 2, pp. 241–305. <https://doi.org/10.2307/2979333>
- Simon J., Kiss N., Łaszewska A., Mayer S. (2015). *Public health aspects of migrant health: A review of the evidence on health status for labour migrants in the European region*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
- Walker R., Ellis M., Barff R. (1992). Linked migration systems: Immigration and internal labor flows in the United States. *Economic Geography*, Vol. 68, No. 3, pp. 234–248. <https://doi.org/10.2307/144184>
- Wang Q., Pandit K. (2003). The emergence of ethnic niches in new immigrant destinations: An examination of Atlanta’s labor market, 1980–1990. *Southeastern Geographer*, Vol. 43, No. 2, pp. 159–180. <https://doi.org/10.1353/sgo.2003.0003>
- Wang Q., Pandit K. (2007). Measuring ethnic labour market concentration and segmentation. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 33, No. 8, pp. 1227–1252. <https://doi.org/10.1080/13691830701614023>
- White M. J., Hunter L. (1993) The migratory response of native-born workers to the presence of immigrants in the labor market. *Population Studies and Training Center Working Paper*, No. 93-08. Providence, RI: Brown University.
- White M. J., Liang Z. (1998). The effect of immigration on the internal migration of the native-born population, 1981–1990. *Population Research and Policy Review*, Vol. 17, No. 2, pp. 141–166. <https://doi.org/10.1023/A:1005961111419>

- Wills J., May J., Datta K., Evans Y., Herbert J., McIlwaine C. (2009). London's migrant division of labour. *European Urban and Regional Studies*, Vol. 16, No. 3, pp. 257–271. <https://doi.org/10.1177/0969776409104692>
- Wilson F. D. (2003). Ethnic niching and metropolitan labor markets. *Social Science Research*, Vol. 32, No. 3, pp. 429–466. [https://doi.org/10.1016/S0049-089X\(03\)00015-2](https://doi.org/10.1016/S0049-089X(03)00015-2)
- Wright R. A., Ellis M., Reibel M. (1997). The linkage between immigration and internal migration in large metropolitan areas in the United States. *Economic Geography*, Vol. 73, No. 2, pp. 234–254. <https://doi.org/10.2307/144449>
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of mobility transition. *Geographical Review*, Vol. 61, No. 2, pp. 219–249. <https://doi.org/10.2307/213996>
- Zimmermann K. F. (2014). *Circular migration*. IZA World of Labor. <https://doi.org/10.15185/izawol.1>
-

Migrants in the Moscow labor market

Elena Y. Varshavskaya*, Mikhail B. Denisenko

Authors affiliation: HSE University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: evarshavskaya@hse.ru

The paper presents a comprehensive analysis of labor migration in Moscow, including all types of spatial mobility that are significant for the capital's labor market. The research focuses on both international and internal migrants, including commuting labor migrants. The information base includes microdata from the Labor Force Survey by Rosstat, statistics of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, and the results of the survey of international migrants working in Moscow. Assessment of the scale and dynamics of labor migration is made, a comparative characteristic of the socio-demographic and economic peculiarities of Muscovites and various groups of migrants is given, professional and sectoral niches of migrant labor are identified, the impact of migration on the labor market of Moscow is assessed. Temporary labor migrants represent a significant part of the Moscow labor market: they account for at least a quarter of all workers in the capital. It is shown that labor migrants compensate for the decreasing groups of Muscovites – young people and the population with a low level of education. For the first time, calculations of selectivity indices are performed on Russian data. The analysis shows that migrants are concentrated in a limited industrial and professional segment, which indicates the formation of migrant employment niches. It is proved that migrants fill the gap in the demand for low-skilled labor and its supply from the highly educated Moscow labor force. As a result, the shortage of labor is decreasing, especially in the sectors that are not attractive to Muscovites. From the perspective of places of employment (industry and profession), migrants and Muscovites are not competitors but complement each other.

Keywords: labor migration, international migration, internal migration, long-distance commuting, commuting labor migration, labor market.

JEL: J21, J61.

Funding: This study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).